

УДК 101

Топическое определение философии

О. Н. Перепелица, кандидат философских наук, доцент*

В статье представлены три версии определения философии через топическую метафору. Анализируются дефиниции Бертрانا Рассела, Мартина Хайдеггера и Луи Альтюссера — мыслителей, определивших характер аналитического, феноменологического и марксистского направлений современной философии. Топическое определение позволяет установить специфическое место философии, исследовать его социально-исторические контексты, зафиксировать связи и возможные с(ов)мещения, а также обнаружить принципиальные расхождения между данными направлениями и обозначить их мировоззренческие перспективы. Рассмотрение трех определений философии: 1) эпистемологического, фиксирующего мировоззренческий разрыв между религиозной и научной точками зрения; 2) политического, фиксирующего связь науки и политики; 3) онтологического, фиксирующего различие между привычным/обычным и непривычным/необычным, — позволяет представить возможные варианты смещения и совмещения. Следовательно, философия понимается как практика постановки новых вопросов, позволяющих устанавливать различия между религией и наукой, политикой и наукой, открывать новые территории для свободы в зазорах между ними, с(ов)мещать, изменять способы их восприятия.

Ключевые слова: топос философии, топическая метафора, с(ов)мещение, философский вопрос, философия, наука, политика.

Topical Definition of Philosophy

O. N. Perepelitsa, PhD in Philosophy, Associate Professor

Three versions of the definition of philosophy through topical metaphor are presented in this article. The definitions of Bertrand Russell, Martin Heidegger and Louis Althusser — thinkers, that determined the nature of the analytical, phenomenological and Marxist trends of modern philosophy are being analyzed. Topical definition allows to set a specific place of philosophy, to explore its social and historical contexts, and possible fix connection with combinations/displacement, and also to observe fundamental differences between these areas and define their worldviews perspective. Consideration of the three definitions of philosophy: 1) epistemological (that fixates the gap between the religious and the scientific point of view), 2) political (that fixates connection between science and policy), and 3) ontology (which fixates the difference between habitual / ordinary and strange / unusual, — allows represent the possible combinations and displacement. Hence, philosophy is understood as the practice of raising new questions letting to differentiate between religion and science, politics and science, to discover new territory for freedom in the gaps between them, to change their ways of perception.

Keywords: topos philosophy, topical metaphor, combinations/displacement, philosophical question, philosophy, science, politics.

Пространство кажется более укрощенным или более безопасным, чем время: мы повсюду встречаем людей с часами и очень редко — людей с компасами. Нам постоянно требуется знать, который час <...>, но мы никогда не задумываемся, где именно находимся. Мы полагаем, что знаем: мы дома, мы на работе, мы в метро, мы на улице.

Разумеется, это очевидно — но что не очевидно? Между тем время от времени нам следовало бы задумываться о том, где мы и как далеко мы (зашли), определяться не только в своих душевных состояниях, в своем самочувствии, в своих амбициях, верованиях и смыслах жизни, но еще и в своем топографическом расположении, и не только по отношению к упомянутым выше осям, но скорее по отношению к месту или человеку, о котором мы думаем или собираемся думать.

Жорж Перек [1, с. 126–127]

Классический вопрос, которым любят щеголять философы, знакомый каждому, кому пришлось учиться в высших учебных заведениях,

звучит многообещающе просто: что такое философия? Но и одним из частых ответов вопрошающе тематизируется: философия есть проблема для самой себя. Задача данной статьи состоит в том, чтобы представить одну из возможных линий определения философии через топическую метафору и охарактеризовать ее контекстуальные связи

* Доцент кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, Украина.

и проблемные поля. Подобное топическое определение является едва ли не общим местом для знаковых философских концепций XX столетия, влияние которых сохраняется вплоть до сего дня, в каком-то отношении формируя и/или развивая феноменологическое, аналитическое и марксистское направления современной философии. Но оно же позволяет обнаружить и принципиальные расхождения между данными направлениями, а также обозначить их мировоззренческие перспективы.

Как бы ни были противоположны в своих посылах, принципах и методах Бертран Рассел, Мартин Хайдеггер и Луи Альтюссер, каждый из них определяет философию по отношению к месту — занимаемым или устанавливаемым ею местом. Даже если здесь мы имеем дело только с топологической метафорой, она позволяет установить топос философии и проследить его социально-исторические контексты, определенную генеалогию, связи (не обязательно линейные) и возможные с(ов)мещения.

Так, уже ставшая хрестоматийной концепция «ничьей земли» Рассела была призвана через отношение к *пустующей*, ничейной местности обозначить специфику *философского познания*. Очевидно, что Рассел запускает эту метафору традиционным образом, характерным для дискуссий современной мысли со средневековой, в рамках оппозиции веры и разума. Он формулирует свою мысль следующим образом: «Философия <...> является чем-то промежуточным (intermediate) между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она вызывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все *точное* знание <...> принадлежит к науке; все *догмы* <...> принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничья Земля (No Man's Land), подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными, как в предшествующие столетия» [2, с. 6].

И далее Рассел перечисляет всю череду вопросов, которые обычно именуются вечными или, что то же самое, философскими, открывая горизонт *вечной философии* или философии(-)вечности, ведь, как он пишет, «на такие вопросы нельзя найти ответа в лаборатории», а «весьма определенные» ответы теологов именно в силу их опре-

деленности вызывают подозрение. Собственно, эта ничья земля вся засеяна вечными вопросами, исследовать которые, «если не отвечать на них», и есть «дело философии» [там же, с. 7].

Однако эта нейтральная полоса, ничейная, неизведанная и необжитая территория, пустошь, которая прямо-таки *есть* (is) философия, подвергается постоянным атакам со стороны теологии и науки, являясь местом, где они пересекаются и вступают в борьбу, претендуя дать вечные ответы и, стало быть, покончить с вечными вопросами. В этом смысле философия — не просто промежуток, она — промежуточное *звено* (intermediate), средний член, опосредующий встречу веры и разума, она, в конце концов, — поле их борьбы. Но философ не выступает просто посредником (intermediator) между теологами и учеными, позволяя установить точки соприкосновения между их дискурсами или тем более дать место для их консенсуса, ведь это бы значило дать почву для ответов, в то время как сохранить *ничейность* этой земли можно только сохранив *вечность* вопросов.

Так или иначе, позиция Рассела задана *эпистемологической* полемикой, актуализированной становлением христианской философии как оппозиции античной мысли, а затем — модерным сциентистским просвещенческим проектом в противовес самому христианству. Место философии, таким образом, определяется эпистемологически, с оглядкой на *мировоззренческий разрыв* между религиозной и научной точками зрения. Но таким же образом фиксируется и хорошо знакомый паритет между верой, знанием и мудростью.

Иначе мыслит Альтюссер, который, будучи марксистом, хорошо знал, что борьба с религией окончена и не осталось никакой территории, где бы воистину руководствовались верой. Более того, для Альтюссера, философия возможна только в горизонте науки, она является следствием великих научных революций, коих он насчитывает три. Каждая революция дает *место* философии (которая *не* является наукой); философия уже не предстает втиснутой между наукой и теологией, но также и не сливается с наукой, модусом ее бытия не выступает нейтральная промежуточность. Альтюссер отмечает: «Если мы окинем мысленным взором величайшие научные открытия в истории человечества, то, что мы называем *науками*, покажется нам небольшими *локальными* образованиями по сравнению с тем, что мы будем называть необъятными *континентами теории*. <...> до Маркса продолжительные „эпистемологические разрывы“ открыли для научного познания *только два* необъятных континента: континент Математики, открытый древними греками

(Фалесом или теми, кто скрывается за этой полуфигурой) и континент Физики (открытый Галилеем и его последователями) <...> Маркс открыл для научного познания новый, третий по счету научный континент, континент Истории, открыл в результате „эпистемологического разрыва“ <...>» [3, с. 32–33].

По Альтюссеру, у философии нет ни истории, ни объекта, у нее *нет* и *своего* места, она рождается вследствие эпистемологических разрывов и помещается на континентах теории. При этом она является чем-то особенным, и эта *особенность* фиксируется двумя «узловыми точками», обнаружение которых французский философ связывает с мыслью В. И. Ленина. Философия построена на двойной связи: с наукой и с политикой. Отсюда: «<...> философия – это продолжение политики другими средствами, в другой области, в соотношении с другой реальностью. Философия – представитель политики в области теории, точнее, ее представитель при науке, и наоборот: философия – представитель науки в политике, при классах, вовлеченных в классовую борьбу. <...> никакая философия не может обойти это условие, не может уклониться от этого двойного представительства – короче, философия являет собой некую третью инстанцию, занимает место между двумя высокими инстанциями, которые определяют и ее сущность как инстанции: между классовый борьбой и наукой» [там же, с. 73–74].

Это существенный момент, позволяющий конституировать современный переход от спора разума и веры к политике (как полю классовой борьбы), базирующейся на разуме. Философия, признающая силу разума, помещается между наукой и политикой, сама, однако, являясь *представителем*; подобно челноку, она постоянно балансирует между наукой и политикой, размещает себя в них, устанавливая единство теории и практики. В конце концов, мы можем рискнуть признать, что именно так и понимали философию греки. По крайней мере, если прав Пьер Адо, то в античных «духовных упражнениях» мы находим слияние теории и этико-политической практики. Но мы также должны помнить, что сама по себе философия не является никаким местом, а лишь присутствует *вместо*: в политике – вместо науки, а в науке – вместо политики. Это может быть истолковано и так, что именно философия противится их слиянию (например, в форме биополитики или технократизма), будучи представительницей, сохраняет зазор, конституирует различие или длит различание (*differance*) между ними. И раз место философии определяется *политически*, то речь ведется

уже не просто о мировоззренческом сдвиге, а о возможности пространств свободы.

Другое дело – Хайдеггер, которого не устраивает любая версия толкования философии, исходящая из какого бы то ни было сравнения или промежуточного положения философии, даже если очевидной кажется схожесть или смежность философии с чем-то иным. Хайдеггер заявляет, что философию нельзя выводить из сравнения с наукой, искусством или религией, точно так же как нельзя ее сводить к мировоззрению или мировоззренческой проповеди. Дело в том, что эпистемологическое постижение, эстетическое преображение и этическое утешение лишь *частично* касаются мира, в то время как философия, по Хайдеггеру, есть нечто *абсолютное* или, точнее, стремящееся к абсолютному. Отсюда стержневой тезис Хайдеггера состоит в том, что философия – нечто *самостоятельное* (*Eigenständiges*), дающее место (основание) той же науке. Более того: «Философия пронизывает целое человеческой жизни (присутствия) даже тогда, когда не существует никаких наук, и вовсе не только так, что она просто задним числом глазет на жизнь (присутствие), разглядывая ее как некую наличность, упорядочивая и определяя ее в свете высших понятий. Скорее философствование есть один из основных родов присутствия. Философия есть то, что большей частью исподволь только и дает присутствию стать тем, чем оно может быть. Но чем может быть человеческое присутствие в отдельные эпохи, данное присутствие никогда не знает; напротив, возможности его как раз впервые только и образуются внутри присутствия» [4, с. 344].

Притязания Хайдеггера в отношении философии гораздо более фундаментальные, если не сказать фундаменталистские, ведь она, философия, имеется задолго до спора науки с религией или союза науки с политикой, она (таково ядро мысли Хайдеггера) «<...> имеет место прежде всяких гешейфов и составляет основное событие присутствия, что самостоятельно и вполне инородно тем образам поведения, в которых мы обычно движемся» [там же; ср.: 5, с. 34].

Итак, выходит, что философия имеется (имеет место) уже до любых дел и любых сделок, которые могут совершаться (или, вероятно, и нет) уже после того, как самой философией осуществлено (сбывается) событие присутствия, дающее место и всему остальному. Философия, как сказано, есть то, что пребывает самостоятельно (*eigenständig*), есть нечто само-стоящее (*eigenständig*) и совершенно иное или, как переведено В. В. Библихиным, «вполне инородно» (*total andersartig*) нашим обычным практикам. Для Хайдеггера такое осо-

бое, обособленное местоположение философии изначально и проходит красной нитью от греков до немецких классиков. Аргументируя свой тезис, немецкий философ переводит утверждение Гераклита «σοφόν ἐστὶ πάντων κενωρισμένον» («мудрость, σοφόν [философия] есть нечто от всего отделенное») через латинское *absolutum* как *отделенное* — то есть «нечто находящееся на своем собственном месте, точнее, самим собой впервые и образующее свое собственное место». Затем он увязывает это с утверждением Платона о том, что «разница между философствующим и нефилософствующим — как разница между бодрствованием (ύπαρ) и сном (δναρ)». Как итог двух утверждений выходит, что «только философствование есть бодрствующее присутствие, нечто совершенно другое по отношению ко всему другому, несравнимо самостоятельное» [4, с. 344–345].

Хайдеггер переводит κενωρισμένον как отделенное, обособленное — *abgetrennte*, как *absolutum*, абсолютное в том смысле, что философия — нечто не просто *имеющее* свое место, а *образующее* это место, «самим собой впервые и образующее свое собственное место». («Lateinisch heißt das Abgetrennte absolutum, etwas, was an seinem eigenen Ort ist, genauer, was erst selbst sich seinen eigenen Ort bildet» [5, с. 34]). И далее отмечает, что это есть место бодрствования в отличие от всего остального (в том числе науки), являющегося только лишь сном. И этим определяется особенное, *само-стоятельное*, несравнимое ни с чем, место, несравнимо самостоятельное (*unvergleichlich eigenständig*).

Чтобы усилить эту несравнимую *само-стоятельность*, далее он цитирует Гегеля, подчеркивая, что философия есть «мир навыворот» (*verkehrte Welt*), буквально — перевернутый мир или безумный мир. Но то, что извне, внешним образом, «по отношению к тому, что нормально для нормального человека», представляется как извращение, на самом деле и «есть выпрямление человеческого бытия» (*Zurechtrücken des Daseins selbst ist*), буквально — правильно повернутое или сдвинутое, подвинутое на место, *вправленное* (*Zurecht-rücken*) вот-бытие, присутствие, изначально охватившее всё [там же].

Итак, в мысли Хайдеггера, обращенной к бытию, философия определяется топографически. Она дает место всему, но сама является «миром навыворот», и в этом смысле, рискнем сказать, представляясь местом всех мест, она сама не есть какое бы то ни было место из всех имеющихся мест. Однако истина и не в том, что она — только *утопия*. Скорее, следуя хайдеггеровской логике, ее нужно понимать как абсолютную *дистопию* или *эктопию* — практику расположения навыворот, которая, по сути, есть выпрямление, *с(ов)мещение* — такое смещение, которое образует любую возможную совместность. Такой ход мысли позволяет говорить о философии не с позиций обороны некоего места или представительства, наместничества в тех или иных местах, а с позиции терапевтически обособляющего *вмешательства* в мир.

В чем состоит этот терапевтический эффект вправления? И что не так с миром? Ответ дается ностальгическим определением философии как тоски по дому (*Heimweh*). Философия — не-место, но *поиск* абсолютного места — дома. Обособленность философии — результат того, что изначально произрастает из бездомности (как нигилистической болезни Запада) и тоски по дому, но сам дом не понимается буквально как определенное данное и ограниченное или изолированное место*. Разбирая изречение Новалиса, Хайдеггер проясняет, что значит быть дома: «Не только здесь и там, и не просто на каждом месте, на всех подряд, но быть дома повсюду значит: всегда и, главное, в целом» [4, с. 330]. Именно это «в целом» (*im Ganzen*) Хайдеггер и называет миром (*Welt*) [5, с. 8]. По сути, философия как выпрямляющее обособление покрывает собой весь мир *повсеместно*. И в этом смысле она имеется (по крайней мере, может быть) везде, остается только ее открыть, подобно тому, как сам Хайдеггер открывает ее в поэзии, например, Гельдерлина. Но такое самооткрывающееся присутствие философии открывается как присутствие удивительного, чудесного, божественного или чрезвычайного, как пишет Хайдеггер, запечатлевая свою мысль в образе. Он пересказывает сообщенный Аристотелем анекдот о Гераклите, встретиться с которым пришли чуже-

* Стоит обратить особое внимание на то, что Хайдеггер в наиболее тяжелые для немцев (потерявших свою родину) и самого себя годы пытается тщательно продумать понятие родины и дома. Прежде всего это представлено в текстах 1943 г., посвященных поэзии Гельдерлина «Возвращение на родину» и «Воспоминание». Сами по себе эти толкования поэзии Гельдерлина не однозначны и могут по-разному восприниматься в контексте немецкой истории: и как адресованные находящимся в дале-

ком походе/плавании солдатам, и как заботу о возрождении Германии, народа поэтов и мыслителей, которая возлагается на поэтов [6]. Но сам Хайдеггер, возможно, опасаясь сомнительных толкований, позднее, в 1946 г., говорит, что о родине и немецком тут речь идет в особом смысле: «„Родина“ продумывается здесь в сущностном смысле, не патриотическом, не националистическом, а бытийно-историческом» [7, с. 206], — как «близость к Бытию».

земцы, но когда «увидели его греющимся у духовки», «остановились в растерянности» [7, с. 215].

Хайдеггер представляет всю парадоксальность ситуации, в которой оказываются посетители, ожидающие чего-то невероятного (скажем, чуда), в то время как событие философии свершается в обыденном и неприглядном месте, как здесь, у очага, где пекут хлеб и где греется Гераклит во «всей скудости своей жизни». — «Обыденное и незаманчивое обстоятельство, что кто-то продрог и стоит у плиты, каждый может сколько угодно наблюдать у себя дома. Зачем для этого было отыскивать мыслителя? Посетители собираются уходить обратно. Гераклит читает на их любопытствующих лицах разочарование. Он замечает, что для толпы уже одного отсутствия ожидавшейся сенсации достаточно, чтобы заставить только что прибывших сразу же повернуть обратно. Поэтому он заговаривает, чтобы их подбодрить. Он, собственно, приглашает их все-таки войти словами: *εἶναι γὰρ καὶ ἐνταῦθα θεοῦς*, „боги присутствуют и здесь тоже“» [там же, с. 215–216]. Именно эти слова, подчеркивает Хайдеггер, «показывают обитель (этнос) мыслителя и его поведение в каком-то другом свете», если гераклитово же «*ἦθος ἀνθρώπων δαίμων*» истолковать как: «Местопребывание (обычное) есть человеку открытый простор для присутствия Бога (Чрезвычайного)» [там же, с. 216]. «*Der (geheure) Aufenthalt ist dem Menschen das Offene für die Anwesenung des Gottes (des Ungeheuren)*». Здесь ключевую роль играют два характерных для Хайдеггера слова-антонима *geheure* и *Ungeheuren*, в данном случае переведенные как «обычное» и «чрезвычайное», в паре образующие смысловое различие между привычным и непривычным, которое может вызывать целый спектр коннотаций: от укорененности в расширяющейся до «огромности» родине, вплоть до различия между домашним, хорошо знакомым, и небывалым, удивительным, даже чудовищным [см.: 8, с. 378–381]. Это хайдеггеровское определение философии из близости бытию, по-видимому, оставляет позади мировоззренческие и политические споры, превращающие философию в нечто реактивное, но обособливающийся абсолютистский нейтралитет этого определения чреват той участью, которой не избежал сам Хайдеггер, и которая вылилась в истории философии в пресловутое «дело Хайдеггера» — воистину, как *des Ungeheuren*.

Было бы соблазнительным, но, вероятно, и сомнительным предприятием синтезировать заявленные установки. Еще наивнее выглядела бы попытка следовать одной из них. В строгом смысле, они все грешат эссенциализмом, впадая в разные

проявления философского фундаментализма, предполагая различные способы укорененности, автохтонности философии, не важно, покоится ли она в положении *между* или образует посольства, или, наконец, пребывает как всё вмещающее обретение родины, дающее и всему остальному место присутствия.

Но дело в том, что ничьей земли не существует, нет никакого промежутка между пространством науки и пространством религии, континентом науки и континентом политики — мир уже поделен. Он либо категорически разъят, так что на вражескую территорию ни-ни, либо представляет собой синтетические и иерархизированные наслоения социальных инстанций. Это значит, что философ не создает и не заселяет новых мест, не имеет своего исконного места, не вселяет в уже имеющиеся места чувство родины, он лишь проникает в уже имеющиеся места (или покидает их) или обособляется, с тем чтобы не быть более никаким наместником или местоблюстителем. Более того, если поучиться у майевтического опыта Сократа, он также не является вместилищем. В конце концов, религия, наука и политика — экспансивные практики, направленные на завоевание мира, с тем чтобы в нем не осталось ни единого автономного уголка свободы. В этом контексте философия изначально возникает как практика отыскивания, конституирования или установления неких автономных или суверенных мест, так, чтобы произошло то самое гераклитовское/хайдеггеровское обособление.

Отсюда следует, что если все же пытаться определять философию, отправляясь от заданных установок, стоит попробовать скорее их *сместить* и *совместить* (подчеркиваю: не синтезировать и не принять одну из них как более предпочтительную). И сделать это представляется возможным с учетом корреляции самого понимания, так сказать, миссии философии. Вероятно, такая корреляция может ориентироваться на три стратегических положения.

Во-первых, утверждение, будто, дескать, существует нейтральная земля, на которой воспроизводятся вечные вопросы, наследует позитивистское убеждение, идущее вразрез с продуктивными достижениями любого из известных нам истори(ци)змов. Куда более перспективной выглядит другая позиция: философия, как отмечает Ален Бадью, скорее есть «изобретение новых проблем» [9]. А это значит — новых пространств, зазоров. Именно рассекая пространства религии и науки новым вопросом, открывая проблемы в них и между ними, проблематизируя очевидные тождества и различия, философия открывает но-

вые территории. Их ничейность или нейтральность может быть понята в смысле *всеобщности*, неопределенной возможности для каждого открыть то, что Бадью называет событием истины. Именно в этом смысле философия не создает истин, не отвечает на вопросы.

Во-вторых, куда более важным в условиях события власти и знания, тождественности воли к власти и воли к знанию, вскрытых Мишелем Фуко, выглядит не столько представительство политики и науки, направленное на некую их совместность или совместность, сколько поиск различия между ними и в них. Философия, таким образом, оказывается активным вмешательством, вскрывающим классовый интерес в науке и разоблачающим методологическое и методичное принуждение в политике. Смысл не в том, чтобы представлять и представлять, а скорее в том, чтобы, остраясь, рассекая вопросом любое возможное тождество, отставляя политику и науку все дальше друг от друга, раздвигая пространство для возможной свободы.

В-третьих, дело не в том, чтобы обособиться, укрывшись в чудесной раковине некоей философии, а скорее в том, чтобы интериоризировать это обособление *в(-)месте (встречи) с другим*. И чтобы, таким образом, облака мыслей разрежали небо сообщества, а плуг философии оставлял борозды на поверхности бытия. И даже больше, если попытаться ответить аллюзией Хайдеггеру, филосо-

фия, скорее, есть что-то, что действует подобно туче, рассекающей луну, или бритве, рассекающей глаз, как в фильме Луиса Бунюэля и Сальвадора Дали «Андалузский пес». Вместе с тем она действует как возможность перехода от одного к другому. Она рассекает не столько сами пространства, сколько способ их воспринимать, видеть. Или — *не* воспринимать и *не* видеть.

Список цитированных источников

1. *Перек, Ж.* Просто пространства: Дневник пользователя / Ж. Перек. — СПб., 2012.
2. *Рассел, Б.* История западной философии. / Б. Рассел. — Ростов н/Д., 1998.
3. *Альтюссер, Л.* Ленин и философия. / Л. Альтюссер. — М., 2005.
4. *Хайдеггер, М.* Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер // *Время и бытие: статьи и выступления* / М. Хайдеггер. — М., 1993. — С. 327–345.
5. *Heidegger, M.* Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944. — В. 29/30: Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt – Endlichkeit – Einsamkeit. — Frankfurt am Main, 1983.
6. *Хайдеггер, М.* Разъяснения к поэзии Гельдерлина. / М. Хайдеггер. — СПб., 2003.
7. *Хайдеггер, М.* Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // *Время и бытие: статьи и выступления* / М. Хайдеггер. — М., 1993. — С. 192–221.
8. *Хайдеггер, М.* Парменид / М. Хайдеггер. — СПб., 2009.
9. *Badiou, A.* Philosophy in the Present / A. Badiou, S. Zizek. — A. Toscano. 2009.

Дата поступления в редакцию: 14.04.2013.